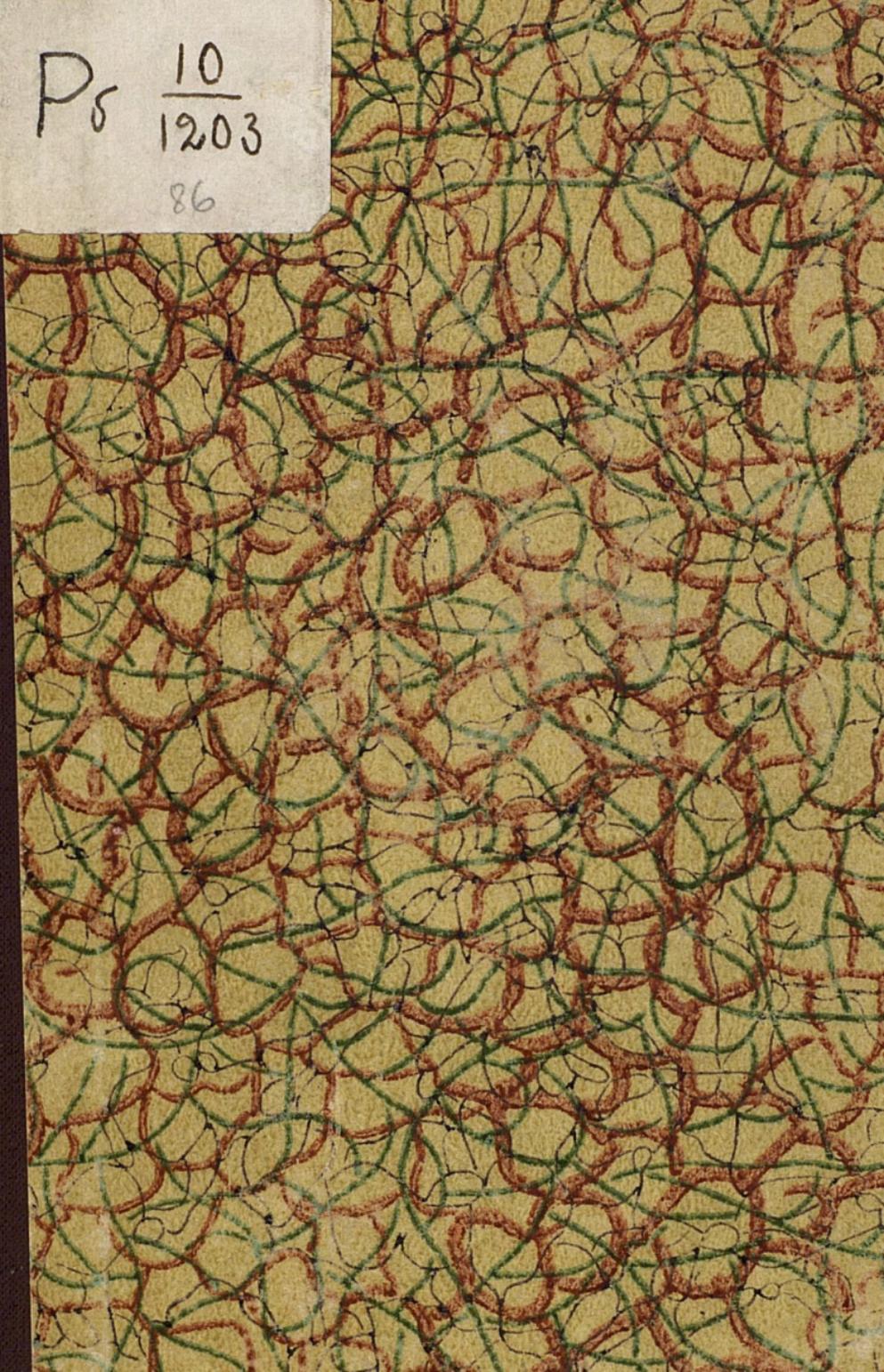
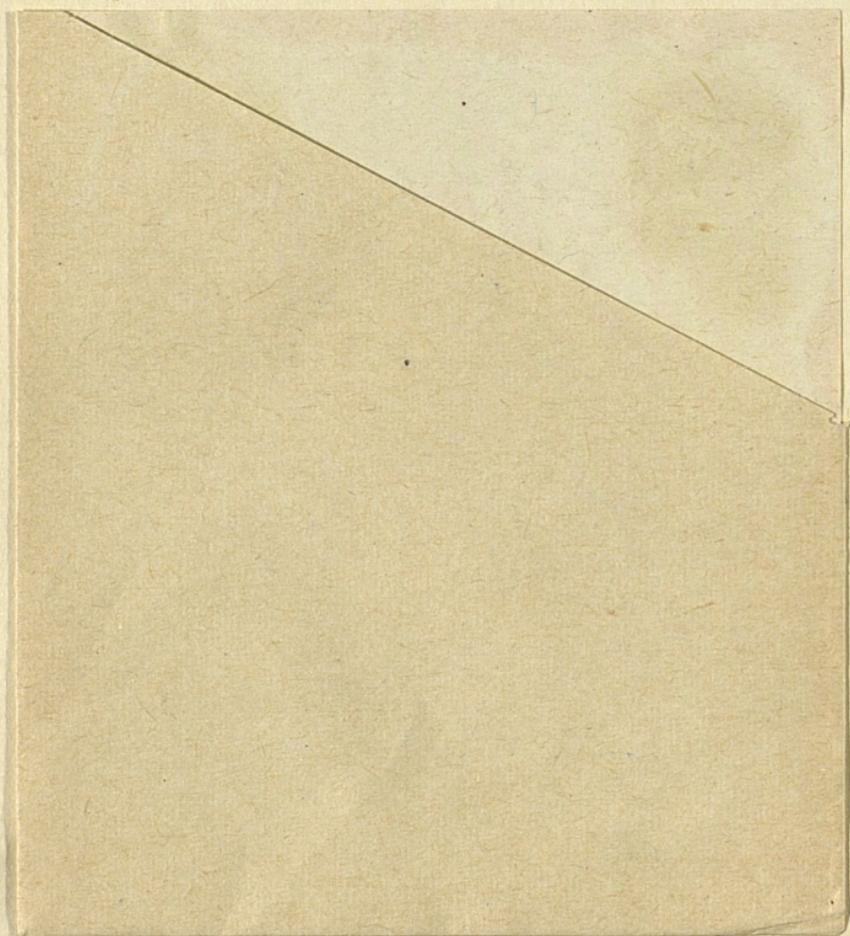

P₅ $\frac{10}{1203}$

86

20
100
Стихотворенія
И. Козлова, Н. Лыкова
и В. Баратынского

Библиотека
Нашихъ Дрѣтей

10-1203
БИБЛІОТЕКА НАШИХЪ ДѢТЕИ,
основанная Е. В. Лавровой и Н. Я. Поповымъ

Стихотворенія

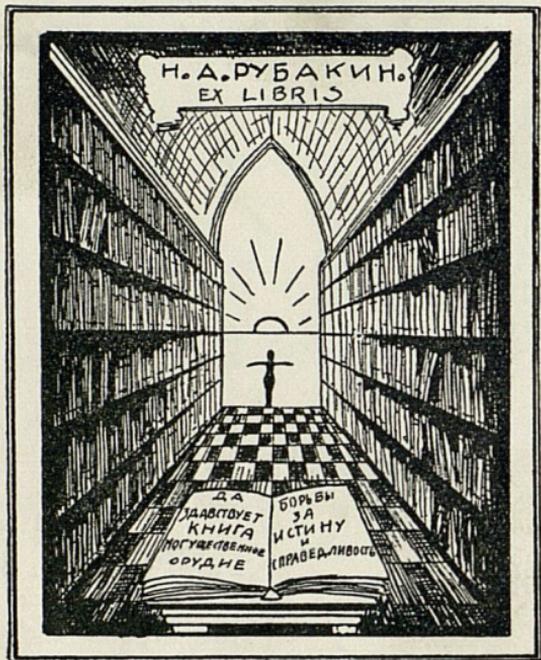
И. Козлова,
Н. Языкова и Е. Баратынскаго
для дѢТЕЙ.

Рисунки С. Панова

72510
Издательство
О. Н. Поповой

1910

С.-Петербургъ,
Невскій пр., 54

2007082219

Государственный
центр имени Ленина
библиотека СССР
И. В. И. ЛЕНИНА

70698-48

„Пушкинская Скоропечатня“
С.-Петербургъ, Сайкинъ пер. 10

И. Козловъ

Иван Козлов

Родился в 1779 году; скончался в 1840 году.

Кіевъ.

О, Кіевъ-градъ, гдѣ съ вѣрою святою
Зажглася жизнь въ краю у насъ родномъ;
Гдѣ свѣтлый крестъ съ Печерскою главою
Горитъ звѣздой на небѣ голубомъ;
Гдѣ стелются зеленой пеленою
Поля твои въ раздольи золотомъ,
И Днѣпръ-рѣка, подѣ древними стѣнами,
Кипитъ, шумитъ пѣнистыми волнами!

Какъ часто я душой къ тебѣ летаю,
О, свѣтлый градъ, по сердцу мнѣ родной!
Какъ часто я въ мечтахъ мой взоръ плѣняю
Священною твоею красотой!

У лаврскихъ стѣнъ земное забываю,
И надъ Днѣпромъ брожу во тьмѣ ночной:
Въ очахъ моихъ все русское прямое—
Прекрасное, великое, святое.

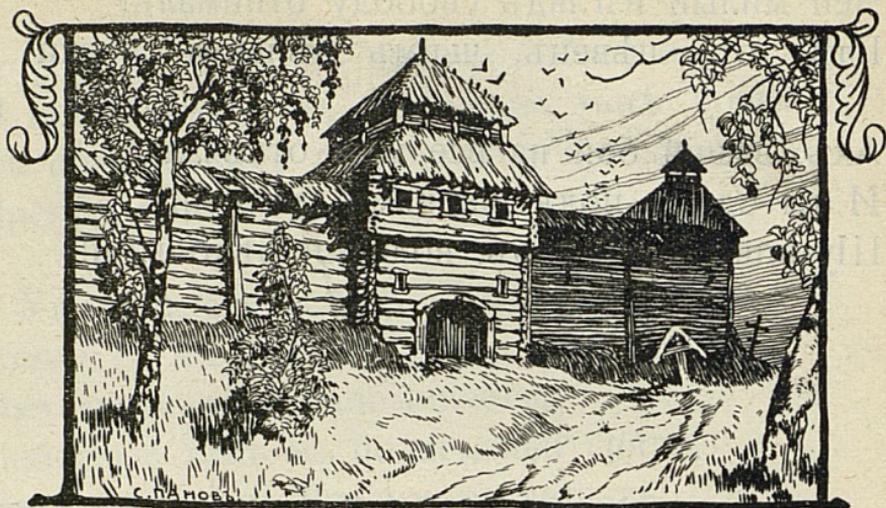
Ужъ мѣсяцъ всталъ; Печерская сіяетъ;
Главы ея въ волнахъ рѣки горять,
Она душѣ вѣка напоминаетъ;
Небесные тамъ въ подземельи спятъ;
Надъ нею тѣнь Владимира летаетъ;
Зубцы ея о славѣ говорятъ.
Смотрю ли вдаль—вездѣ мечта со мною,
И милою все дышитъ стариною.

Тамъ витязи сражались удалые,
Могучіе, за родину въ поляхъ;
Красою здѣсь цвѣли княжны младыя,
Стыдливыя, въ высокихъ теремахъ,
И пѣль Баянъ имъ битвы роковыя,
И тайны жаръ таился въ ихъ сердцахъ.
Но полночь бьетъ, звукъ мѣди умираетъ,
Къ минувшимъ днямъ еще день улетаетъ.

Гдѣ-жъ смѣлые, которые сражались,
Чей острый мечъ, какъ молнія, сверкалъ?
Гдѣ ты, краса, которой всѣ плѣнялись,

Чей милый взглядъ свободу отнималь?
Гдѣ тотъ пѣвецъ, чымъ пѣнемъ восхи-
щались?

Ахъ, вѣщій бой на все мнѣ отвѣчалъ!
И ты одинъ подъ башнями святыми
Шумишь, о Днѣпръ, волнами вѣковыми!

Плачь Ярославны.

То не кукушка въ рошѣ темной
Кукуеть рано по зарѣ—
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Одна на городской стѣнѣ:

„Я покину боръ сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И въ Каяль-рѣкѣ бобровый
Я рукавъ мой обмочу;
Я домчусь къ родному стану,
Гдѣ кипѣлъ кровавый бой;
Князю я обмою рану
На груди его молодой“.

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Одна на городской стѣнѣ:

„Вѣтеръ, вѣтеръ, о, могучій,
Буйный вѣтеръ! что шумишь?
Что ты въ небѣ черны тучи
И вздымаешь, и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутилъ потокъ рѣки,
Вѣя ханскими стрѣлами
На родимые полки“.

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

„Днѣпръ мой славный! ты волнами
Скалы половцевъ пробилъ;
Святославъ съ богатырями
По тебѣ свой бѣгъ стремилъ:
Не волнуй же, Днѣпръ широкий,
Быстрый токъ студеныхъ водъ,
Ими князь мой черноокій
Въ Русь святую поплыветъ“.
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

„О, рѣка! отдай мнѣ друга;
На волнахъ его лелѣй,

Чтобы грустная подруга
Обняла его скорбѣй;
Чтобъ я больше не видала
Вѣщихъ ужасовъ во снѣ;
Чтобъ я слезъ къ нему не слала
Синимъ моремъ на зарѣ“.
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

„Солнце, солнце, ты сіяешь
Всѣмъ прекрасно и свѣтло!
Въ знойномъ полѣ что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки съ тетивами
Изушила въ ихъ рукахъ,
И печаль колчанъ съ стрѣлами
Заложила на плечахъ“.
И тихо въ теремъ Ярославна
Уходитъ съ городской стѣны.

Сонъ ратника.

Подкопы взорваны,—и башни вѣковыя
Съ ихъ дерзкою луной погибель облегла;
Пресѣкла въ ужасѣ удары боевые
Осенней ночи мгла.

И въ полѣ тишина межъ русскими полками.
У ружій сомкнутыхъ дымилися костры,
Во тьмѣ бросая блескъ багровыми струями
На бѣлые шатры.

Въ раздумьи я смотрѣлъ на пламень крас-
новатый;
Мнѣ раненыхъ вдали былъ слышенъ тяжкій
стонъ;
Но, битвой утомясь, подъ буркою косматой
Уснулъ,—и вижу сонъ.

Мнѣ снилось, что, простясь съ военною
тревогой,
Отъ тѣхъ кровавыхъ мѣсть, гдѣ буйство
протекло,
Поспѣшно я иду знакомою дорогой
Въ родимое село.

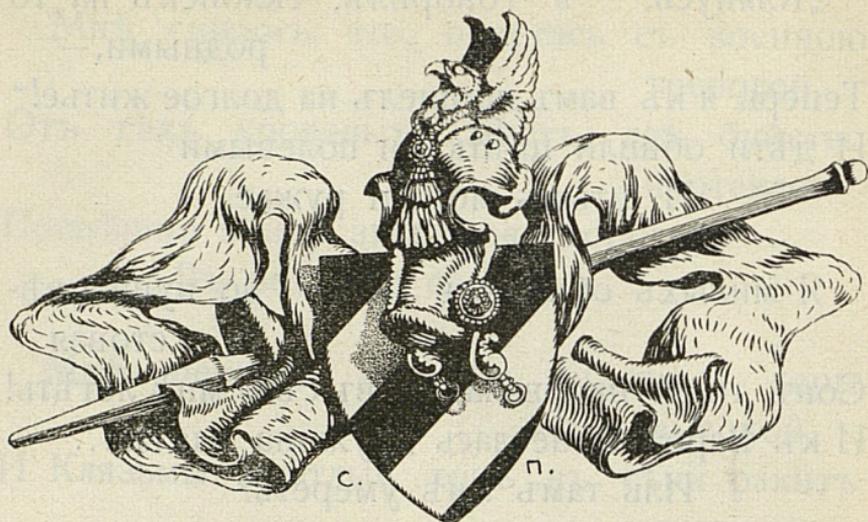
Мнѣ церковь сельская видна съ горы
высокой,
И Клязьмы свѣтлый токъ въ тѣни ракичь
густыхъ;
И слышу пѣснь жнецовъ, и въ стадѣ лай
далекой
Собакъ сторожевыхъ.

Я къ хижинѣ сходилъ съ холмовъ крутого
ската,
Разлуки тайной страхъ надеждой веселя,—
И дряхлый мой отецъ, тотчасъ узнавъ
солдата,
Вскочилъ безъ костыля.

Въ слезахъ моя жена мнѣ кинулась на шею,
Мила, какъ въ день вѣнца, и сердцу, и очамъ;
Малютки рѣзвыя бѣгутъ ко мнѣ за нею;
Сосѣдъ пришелъ къ друзьямъ.

„Клянусь, — я говорилъ, склонень на то
родными, —
Теперь я къ вамъ пришелъ на долгое житье!“
И дѣти обвили цвѣтками полевыми
И штыкъ мой, и ружье.

Я милыхъ обнималъ но пушка вѣ-
стовая
Сонъ тихій прервала, и—въ сѣчу мнѣ летѣть!
И къ Варнѣ понеслась дружина удалая...
Иль тамъ мнѣ умереть?

Беверлей.

Шотландская баллада.

Съ младымъ Беверлеемъ кто равенъ
красой! . .

Стрѣлою несется съ нимъ конь вороной;
Онъ скачетъ безстрашно, онъ скачетъ одинъ;
Съ нимъ только мечъ острый — надежда
дружинъ;

Въ любви всѣхъ вѣрнѣе, а въ битвахъ
смѣлѣй,
Межъ витязей славенъ молодой Беверлей.

Въ лѣсу нѣтъ преграды, утесъ не высокъ,
Бушуетъ ли буря,—онъ вплавь чрезъ потокъ.
Но въ Нетерби витязь на горе скакалъ:
Невѣста склонилась—женихъ опоздалъ;
Соперникъ бездушный съ Матильдой твоей
Идетъ ужъ вѣнчаться, молодой Беверлей!

Онъ въ замкѣ, онъ видитъ: пируетъ семья,
Шумятъ, веселятся родные, друзья;
Женихъ торопливый, блѣднѣя, молчитъ;
За мечъ ухватятся, отецъ говоритъ:
„У насъ ты на свадьбѣ, какъ другъ, иль злодѣй?
На брань, иль на танцы, молодой Беверлей?“

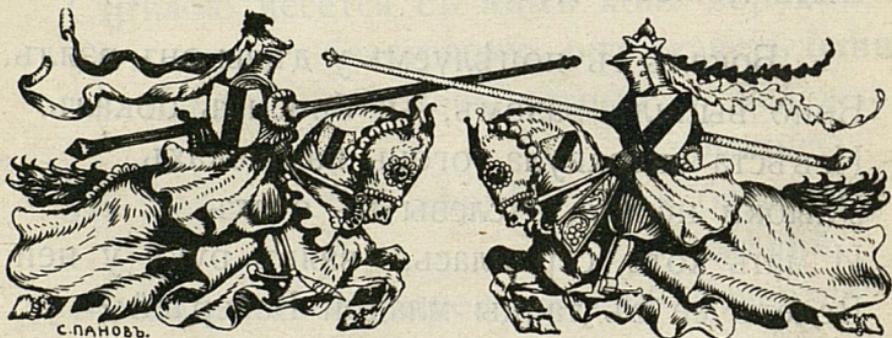
— Отъ васъ мнѣ награда въ любви не дана.
Любовь рѣкой льется, кипитъ, какъ волна;
Мила мнѣ Матильда, — но съ вами равно
Готовъ я на танцы, готовъ на вино.
Есть много пригожихъ: невѣсту нѣжнѣй,
Быть можетъ, достанетъ молодой Беверлей.—

Бокаль съ поцѣлуемъ у дѣвы онъ взялъ,
Вино выпилъ разомъ,—и бросилъ бокаль.
Невѣста вздохнула, огонь на щекахъ,
Улыбки искала, а слезы въ очахъ.
И мать хоть сердилась,—взявъ руку у ней,
Ведетъ ее въ танцы молодой Беверлей.

И всѣ любовались прелестной четой,
Его ловкимъ станомъ, ея красотой;
Родные-же смотреть съ досадой на нихъ,—
Съ перомъ своей шляпы играетъ женихъ;
И шепчуть подруги: о, если бы ей,
Прекрасной—быль мужемъ молодой Беверлей!

Онъ жметъ ея руку, онъ что-то сказалъ,
И вдругъ оба вышли, а конь подждалъ.
Проворно онъ съ нею вскочилъ на коня:
„Теперь—не догонять злодѣи меня!
Матильда, другъ милый, навѣкъ ты моей?“
И вихремъ помчался молодой Беверлей.

Въ погону гнались по рвамъ, по холмамъ,
И Мюсгревъ, и Форстеръ, и Фенвикъ, и Граммъ,
Скакали, искали вблизи и вдали, —
Пропавшей невѣсты нигдѣ не нашли.
Въ любви всѣхъ вѣрнѣе, а въ битвахъ смѣлѣй,—
Таковъ былъ отважный, молодой Беверлей!

Возвращеніе крестоносца.

БЫЛЬ.

Молодой Готфридъ Шатобрианъ
Жилъ въ замкѣ надъ рѣкою,
Межъ горъ и добрыхъ поселянь,
Съ прелестною женою.

Ихъ ночь тиха, ихъ ясенъ день,
Въ ихъ сердцахъ дышитъ радость,
Бѣжитъ отъ нихъ печали тѣнь,
Въ любви цвѣтетъ ихъ младость.

Вдругъ раздался священный зовъ,
И звукъ тревоги бранной
Влечетъ туда, гдѣ гробъ Христовъ
Въ землѣ обѣтованной.

Богатый, бѣдный, старъ и младъ.
Всѣ строятся въ дружины,
Не страшень имъ ни зной, ни хладъ,
Ни степи, ни пучины.

И витязь смотритъ на коня:
„О, милый край отчизны,
„Пріють домашняго огня,
„И нѣга мирной жизни!

„Проститься съ вами долженъ я,
„А ты, мой другъ прелестной,
„Не унывай, и за меня
„Молись въ тиши безвѣстной!“

И взялъ онъ мечъ и крестъ святой,
И собралъ онъ дружину,
Простился съ милою женой,
Готовый въ Палестину.

Помчался онъ, но все глядитъ
На замокъ свой родимый, —
И слезы на желѣзный щитъ
Ронялъ, тоской крушимый.

Въ далекій край онъ долетѣлъ,
Гдѣ бой кипитъ кровавой,
И въ блескѣ тамъ отважныхъ дѣлъ
Покрылся новой славой.

Межъ тѣмъ, печальна и мрачна,
Жена его младая
Живетъ, слезамъ обречена,
О витязѣ мечта.

И память съ нимъ веселыхъ дней
Слилась съ душевной мукой,
И мнится, витязь сталь милѣй
Несносною разлукой.

Тепла въ ней вѣра, но крушить
Жестокихъ битвъ тревога:

„Нѣтъ, онъ не раненъ, не убитъ,
„Мой милый, ратникъ Бога“.

О, какъ любовь младую грудь
Томить мечтой своею!

И какъ вздохнуть, куда взглянуть,
Чтобъ не былъ онъ предъ нею!

Несется-ль свѣжій вѣтерокъ,
И солнце догораетъ,—

На пасмурный она востокъ
Взоръ томный устремляетъ.

Взойдутъ ли звѣзды и луна
Надъ сонными волнами,—

О немъ бесѣдуетъ она
Съ луною и звѣздами.

Страшить ее въ тиши ночей,
Между гробницъ завѣтныхъ,
Видъ фантастическихъ тѣней
При стеклахъ разноцвѣтныхъ.

Объ немъ тамъ молится она,
И, мнить, какой-то силой
Невольно втайнѣ смущена,
Что видитъ образъ милой;

Что онъ мелькнулъ, и вдругъ исчезъ
Межъ дымными столбами,
Какъ на лазурной тьмѣ небесъ
Звѣзда межъ облаками.

Но время вѣчною стрѣлой
Летить, летить,—дружины
Идутъ, одна вслѣдъ за другой,
Назадъ изъ Палестины.

И у прекрасной день и ночь
Надеждой сердце бьется;
Но какъ сомнѣнье превозмочь!
Все ждетъ и не дождется.

Однажды вечеръ пламенѣль,
И горемъ духъ стѣснялся:
Ей никогда ея удѣль
Мрачнѣе не казался.

Волнуясь вѣщею тоской
И страшными мечтами,
Къ иконѣ Дѣвы Пресвятой
Идетъ съ слезами.

И вдругъ знакомый рогъ трубить,
И мость упаль подъемной,
И внѣ себя она бѣжить,
Стремясь къ аллеѣ темной,

Гдѣ витязь шлемъ булатный свой,
Скочивъ съ коня, бросаетъ;
А пажъ наѣздникъ молодой,
Съ сѣдла копьѣ снимаетъ.

Не вѣрить взору своему,
Летить,—и мужъ предъ нею,
И кинулась она къ нему
Безъ памяти на шею.

И витязь страстно обнималъ
Жену свою младую;
Счастливецъ! онъ благословлялъ
Любовь ея святую.

Уста дрожали на устахъ,
Объ сердце сердце билось:
Вдругъ—чудный блескъ въ ея очахъ,
Дыханье прекратилось,

Въ груди стѣсненной жизни нѣтъ.
Творецъ! убила радость
Все то, чѣмъ милъ намъ Божій свѣтъ:
Любовь, красу и младость!

И страшень, какъ жилецъ могиль,
Былъ витязь овдовѣлый, —
И мѣсяць трепетно свѣтилъ
На ликъ оцѣпенѣлый.

Сраженъ таинственной судьбой,
Отъ всѣхъ несчастный скрылся,
Съ житейскимъ моремъ и съ земной
Надеждой онъ простился.

Обитель иноковъ стоитъ
Близъ замка; тамъ, въ молитвахъ,
Въ постѣ, слезахъ онъ жизнь таитъ,
Прославленную въ битвахъ.

Но часъ насталь,—и съ нею вновь
Забылъ онъ сердца муки
Въ томъ свѣтломъ мірѣ, гдѣ любовь
Не знаетъ ужъ разлуки.

Насъ семеро.

Радушное дитя,
Легко привыкшее дышать,
Здоровьемъ, жизнію цвѣтя,
Какъ можетъ смерть понять?
Навстрѣчу дѣвочка мнѣ шла:
Лѣтъ восемь было ей;
Ея головку облегла
Струя густыхъ кудрей.
И дикъ былъ видъ ея степной,
И дикъ простой нарядъ,
И радовалъ меня красой
Малютки милый взглядъ.
„Всѣхъ сколько васъ?— ей молвилъ я, —
И братьевъ и сестеръ?“
— Всего? насъ семь? — и на меня,
Дивясь, бросаетъ взоръ.
„А гдѣ жъ они“? — Насъ семь всего, —
Въ отвѣтъ малютка мнѣ: —
Насъ двое жить пошло въ село,
И два на кораблѣ.

И на кладбищѣ братъ съ сестрой
Лежать изъ семерыхъ,
А за кладбищемъ я съ родной,
Живемъ мы подлѣ нихъ.—
„Какъ? двое жить въ село пошли,
Пустились двое плыть,
А все васъ семь! Дружокъ, скажи,
Какъ это можетъ быть?“
— Насъ семь, насъ семь,—она тотчасъ
Опять сказала мнѣ:—
Здѣсь на кладбищѣ двое насъ
Подъ ивою въ землѣ.—
„Ты бѣгаешь вокругъ нея,
Ты, видно, что жива;
Но васъ лишь пять, дитя мое,
Когда подъ ивой два“.
— На ихъ гробахъ земля въ цвѣтахъ,
И десяти шаговъ
Нѣтъ отъ дверей родной моей
До милыхъ намъ гробовъ.
Я часто здѣсь чулки вяжу,
Платокъ мой здѣсь рублю,
И подлѣ ихъ могилъ сажу,
И пѣсни имъ пою.
И если позднею порой

Свѣтло горить заря,
То, взявъ мой хлѣбъ и сыръ съ собой,
Здѣсь ужинаю я.
Малютка Дженни день и ночь
Томилася больна;
Но Богъ ей не забылъ помочь, —
И спряталась она.
Когда-жъ ее мы погребли,
И расцвѣла земля,
Къ ней на могилу мы пришли
Рѣзвиться, Джонъ и я.
Но только дождалась зимой
Коньковъ я и саней,
Ушелъ и Джонъ, братишка мой,
И легъ онъ рядомъ съ ней.
„Такъ сколько-жъ васъ?“ — былъ мой отвѣтъ.
— На небѣ двое, вѣрь!
Васъ только пять“. — О, баринъ, нѣтъ!
Сочти — насъ семь теперь. —
„Да нѣтъ ужъ двухъ. Они въ землѣ,
А души въ небесахъ!“
Но былъ ли прокъ въ моихъ словахъ?
Все дѣвочка твердила мнѣ:
— О нѣтъ, насъ семь, насъ семь!

Сельская сиротка.

Разсталась я съ тяжелымъ сномъ,
Не встрѣтась съ радостной мечтою;
Я вмѣстѣ съ утренней зарею
Была на холмѣ луговомъ.

Запѣла птичка тамъ надъ свѣжими кустами;
Въ душистой рощицѣ привольно ей летать;
Вдругъ съ кормомъ нѣжно къ ней стремится...
вѣрно мать—

И залилася я слезами.

Ахъ! мнѣ не суждено, какъ птичкѣ молодой,
Въ тиши безвѣстной жить у матери родной.
Дубъ мирное гнѣздо отъ бури укрываетъ,
Привѣтный вѣтерокъ его тамъ колыхаетъ;
А я, бѣдняжка, что имѣю на землѣ?

И колыбели я не знала:

У храма сельскаго когда меня нашли,
На камнѣ голомъ я лежала.

Покинутая здѣсь, далеко отъ своихъ,
Не улыбалась я родимой ласкѣ ихъ.
Скитаюся одна! вездѣ чужія лица;
Слышу въ деревнѣ сиротой.
Подружки лѣтъ моихъ, окружныхъ сель
дѣвицы,

Стыдятся звать меня сестрой;
И люди добрые сиротку не пускаютъ:
На вечеринкахъ ихъ нѣтъ мѣста мнѣ одной;
Со мною, бѣдной, не играютъ
Вкругъ яркаго огня семейною игрой;
Украдкой пѣснямъ я приманчивымъ внимаю;
И передъ сладкимъ сномъ, въ ту пору, какъ
дѣтей
Отець, благословя, прижметъ къ груди
своей,

Вечерній поцѣлуй я издали выдаю.
И тихо, тихо въ храмъ святой
Иду я съ горькими слезами;
Лишь онъ сироткѣ не чужой,
Лишь онъ одинъ передо мной
Всегда съ отверстыми дверями.

И часто я ищу на камнѣ роковомъ
Слѣда сердечныхъ слезъ, которыя на немъ,
Быть можетъ, мать моя роняла.

Когда она меня въ чужбинѣ оставляла.
Одна между кустовъ, въ тѣни березъ
густыхъ,

Гдѣ спятъ покойники подъ свѣжею травою,
Брожу я съ тяжкою тоскою;
Мнѣ плакать не о комъ изъ нихъ—
И между мертвыхъ и живыхъ,
Вездѣ, вездѣ я сиротою.
Уже пятнадцать разъ весна
Въ слезахъ сиротку здѣсь встрѣчаетъ;
Цвѣтокъ безрадостный, она
Отъ непогоды увядаетъ.

Родная, гдѣ же ты? Увидимся ль съ тобою?
Приди; я жду тебя все также сиротою—
И все на камнѣ томъ—и все у церкви той,
Гдѣ я покинута тобою!

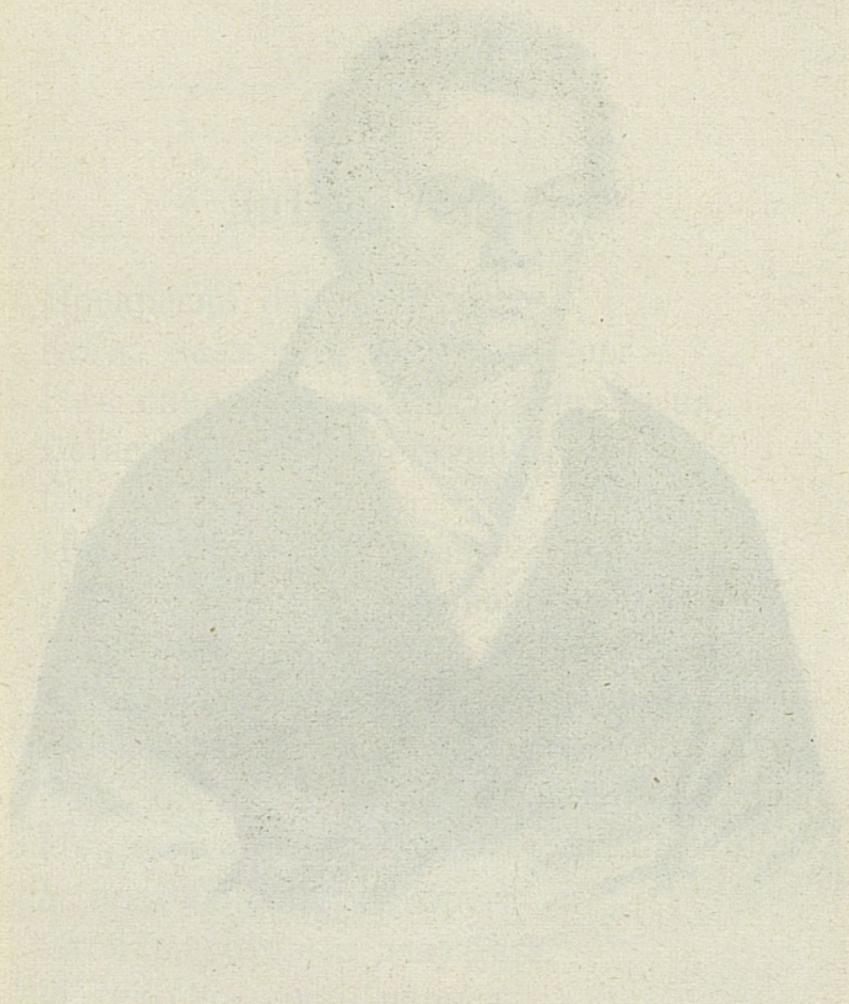
Вечерній звонъ.

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ навѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ!

Уже не зрѣтъ мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ;
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.
Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!

Напѣвъ унылый надо мной
Въ долину вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьи пѣть вечерній звонъ!

И. Языковъ

И. Языковъ

Полное собрание сочинений И. Языкова. Изд. 2-е. СПб. 1881 г.

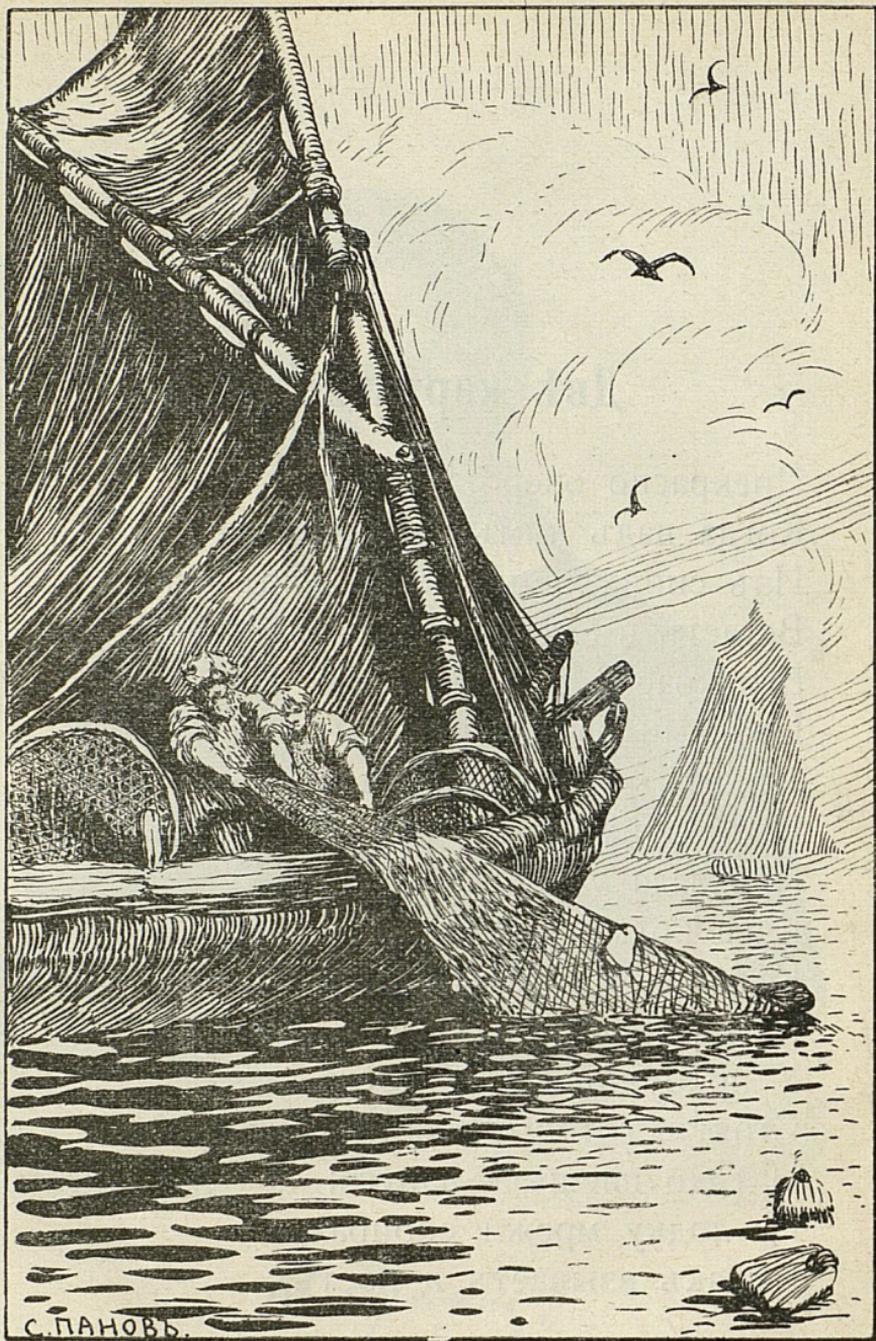

И. Ермаков.

Родился въ 1803 году; скончался въ 1846 году.

Двѣ картины.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣтило дня
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ:
Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежитъ равнина водяная
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя вѣтъ,
Едва колышутся лѣса;
Какъ блески золота, свѣтлѣтъ
Ихъ переливная роса;
У пробудившагося берега
Стоять, готовые для бѣга,
И тихо плещутъ паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбакъ взываетъ и поетъ,

С. ПАНОВЪ.

И пѣсня русская, живая,
Разносится по глади водъ.
Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательнымъ столбомъ;
Свѣтило искрится ночное
Въ его кристалѣ голубомъ;
Какъ тѣнь, отброшенная тучей,
Вдоль искривленныхъ береговъ,
Чернѣютъ образы лѣсовъ,
И кое-гдѣ огонь пловучій
Горитъ на челнахъ рыбаковъ;
Безмолвна синяя пучина,
Въ дубровахъ мракъ и тишина,
Небесъ далекая равнина
Сіянья мирнаго полна;
Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ
Подъемя сѣти изъ воды,
Рыбакъ живитъ веселымъ словомъ
Своихъ товарищей труды;
Или—путемъ дугообразнымъ—
Съ небесныхъ падая высотъ,
Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,
Огнемъ разсыплется алмазнымъ,
И въ отдаленьи пропадетъ.

Пловецъ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумить оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья! Вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй;
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ.
Глубже бездна упадетъ!

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна;
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.

Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой!...
Смѣло, братья, бурей полный,
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

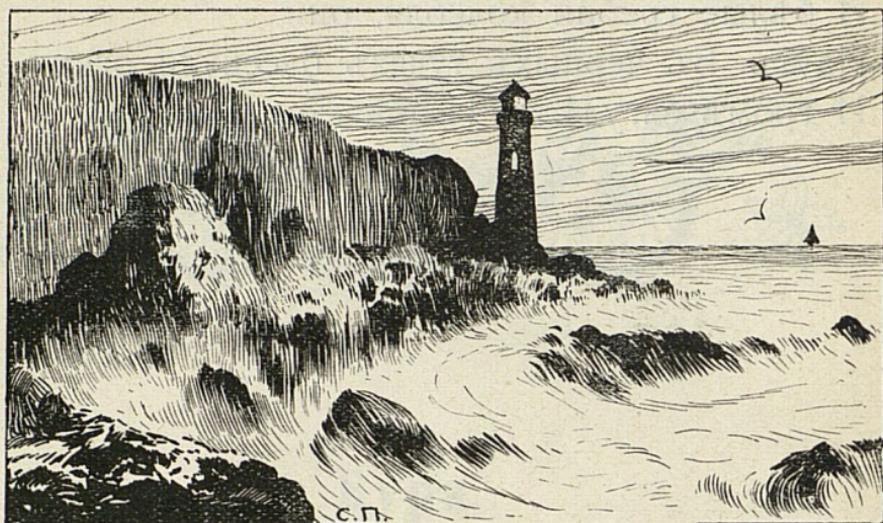

Буря.

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ и скрыли блистательный день,
И въ синюю бездну спустились глубоко,
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь;
Но бездна морская уже негодуеть,
Ей хочется свѣта и ропщеть она,
И скоро, могучая, встанеть грозна,
Пространно и громко она забушуеть.

Великую силу уже подымая,
Полки она строить изъ водныхъ громадъ;
И валъ-великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ, и ряды говорятъ;

И вотъ, свои смуглыя лица нахмуря,
И бѣлые гребни колебля, они
Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни,
И громъ загудѣлъ. Начинается буря.

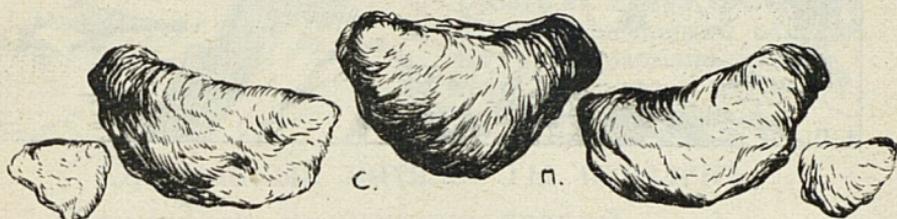

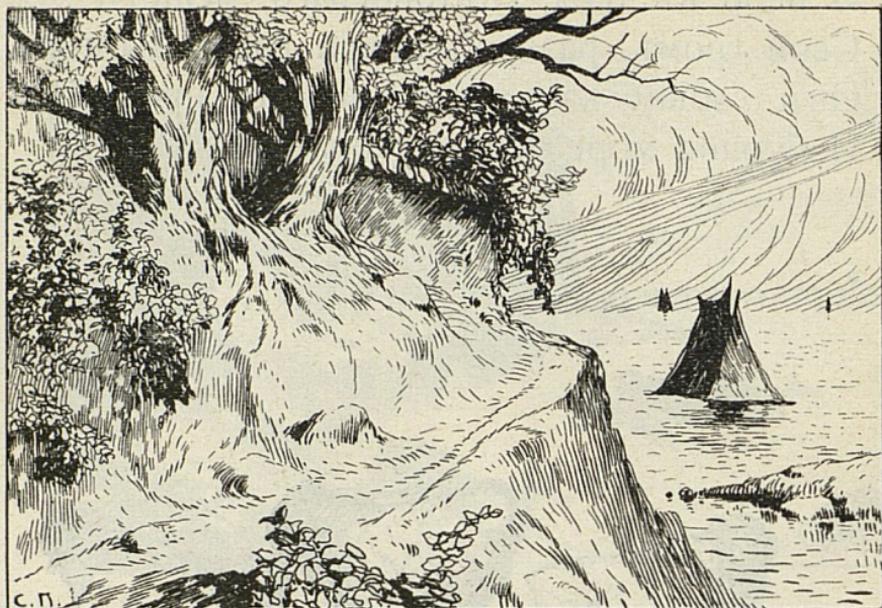
Маякъ.

Межъ моремъ и небомъ, на горной вершинѣ
Отважно поставлень бросать по водамъ
Отрадный, спасительный свѣтъ кораблямъ,
Застигнутымъ ночью на бурной пучинѣ,

Ты волю благую достойно творишь:
Встаетъ ли свирѣпое море волнами,
Волнами хватая тебя, какъ руками,
Обрушить тебя въ глубину: ты стоишь!

И небо въ тебя, свѣтоноснаго, мечеть
Свой громъ, раздробляющій горы: ты цѣль:
Онъ, словно какъ пыль, по тебѣ пролетѣлъ,
И бурное море тебѣ рукоплещеть!

Вечеръ.

Ложатся тѣни горъ на дремлющій заливъ;
Прибрежные сады лимоновъ и оливъ
Пустѣютъ; чуть блеститъ надъ моремъ западъ
ясный —
И скоро Божій день, веселый и прекрасный,
Съ огнистымъ пурпуромъ и золотомъ уйдетъ
Изъ чистаго стекла необозримыхъ водъ.

Баянъ къ русскому воину

при Димитріи Донскомъ, передъ знаменитымъ
сраженіемъ при Непрядвѣ.

Стоить за алтари святыя,
За Богомъ вѣнчанныхъ царей
За гробы праотцовъ родные
За женъ, за отцовъ и дѣтей.

Лобановъ.

О, бранный витязь! Ты печалень,
Одинъ, съ поникшею главою,
Ты бродишь, мрачный и нѣмой,
Среди могилъ, среди развалинъ:
Ты видишь въ родинѣ своей
Слѣды пожаровъ и мечей.

И неужель трава забвенья
Успѣтъ вырость на гробахъ,
Пока не вспыхнетъ въ сихъ поляхъ
Война рѣшительнаго мщенья?
Или замолкла навсегда
Твоя за родину вражда?

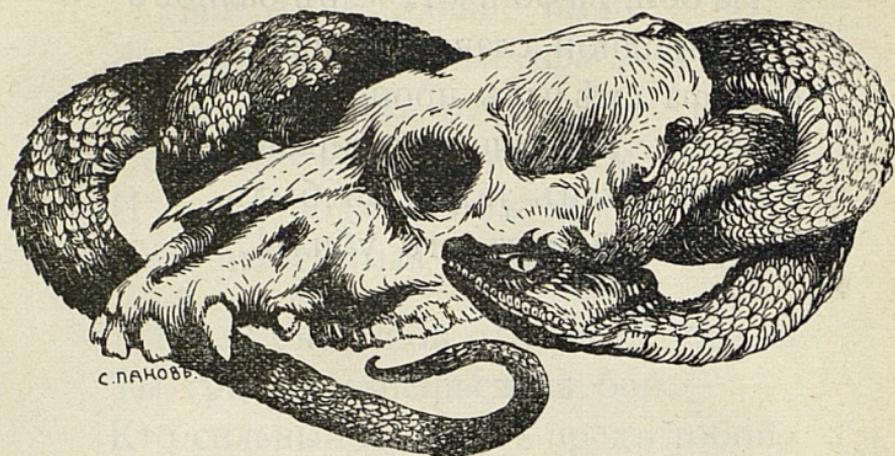
Твои отцы славяне были,
Желѣзомъ страшные врагамъ;
Чужія руки ихъ рукамъ
Не цѣпи — злато приносили.
И не свобода ль имъ дала
Ихъ знаменитыя дѣла?

Когда съ толпой отважныхъ братій
Ты грозно кинешься на бой, —
Кто сильный сдержитъ предъ тобой
Враговъ безчисленныя рати?
Кто сгонитъ блѣдность съ ихъ лица
При видѣ гнѣвнаго бойца?

Рука свободного сильнѣе
Руки, измученной ярмомъ:
Такъ съ неба падающій громъ
Подземныхъ грохотовъ звучнѣе;
Такъ пѣснь побѣдная громчѣй
Глухого скрежета цѣпей!

Не гордый духъ завоеваній
Зоветь булатъ твой изъ ноженъ:
За честь, за вѣру грянетъ онъ
Въ твоей опомнившейся длани —
И передъ челами татаръ
Не промахнется твой ударъ!

На бой, на бой! — И жаръ баяновъ
Съ народной славой оживеть
И арфа смѣлыхъ пропоеть:
„Конецъ владычеству тирановъ:
Ужасень ханъ татарскій былъ,
Но русскій мечъ его убилъ!“

Олегъ.

Не лѣсъ завываетъ, не волны кипятъ
Подъ сильнымъ крыломъ непогоды;
То люди выходятъ изъ кievскихъ вратъ:
Князь Игорь, его воеводы,
Дружина, свои и чужіе народы
На берегъ днѣпровскій, въ долину
спѣшать,
Могильнымъ общественнымъ пиромъ
Отправить Олегу почетный обрядъ;
Великому бранью и миромъ.

Пришли—и широко бойцовъ и гражданъ
Толпы обступили густыя

То мѣсто, гдѣ черный возстанеть курганъ,
Да вѣщаго помнитъ Россія;
Гдѣ князь бездыханный, въ dospѣхахъ златыхъ,

Лежалъ средь зеленаго луга;
И бурный товарищъ трудовъ боевыхъ —
Конь бѣлый — стоялъ изукрашенъ и тихъ
У ногъ своего господина и друга.

Всѣ, малый и старый, отрадой своей,
Отцомъ опочившаго звали;
Горючія слезы текли изъ очей,
Носилися вопли печали;
И долго, и долго вопилъ и стеналъ
Народъ, покрывавшій долину.
Но вотъ на срединѣ булатъ засверкалъ,
И бранному въ честь властелину
Конь бѣлый, булатомъ сраженный, упалъ
Безъ жизни къ ногамъ своему господину.
Все стихло... руками бойцовъ и гражданъ
Подвинулись глыбы земныя...
И вотъ на долинѣ огромный курганъ,
Да вѣщаго помнитъ Россія.

Волнуясь, могилу народъ окружалъ,
Какъ волны морскія, несмѣтный;

Тамъ праздникъ надгробный самъ князь на-
чиналь:

Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливаль искрометный,
Онъ въ память Олегу его выпиваль;
И вновь, наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодого владыки славянъ,
Съ конца до конца, межъ народомъ
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Тогда торопливо, по данному знаку,
Откинувъ доспѣхъ боевой,
Свершить на могилѣ потѣшную драку
Воители строятся въ строй.
Могучи, отваги исполнены жаромъ,
Отъ разныхъ выходятъ сторонъ,
Сошлись и бьются... ударомъ за ударомъ,
Ударомъ ударъ отражень!

Сверкають ихъ очи; десницы высокой
И ловокъ и мѣтокъ размахъ;
Увертливы станомъ и грудью широкой,
И тверды бойцы на ногахъ!
Расходятся, сходятся... сшибка другая...
И пала одна сторона!
И громко народъ зашумѣлъ, повторяя
Счастливыхъ бойцовъ имена.

Туть съ поприща боя, ихъ рѣчью привѣтной
Князь Игорь къ себѣ подзываль;
Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливаль искрометный,
Онъ самъ его бодрымъ бойцамъ подаваль;
И вновь наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодого владыки славянъ,
Съ конца до конца, межъ народомъ
Ходиль золотой и завѣтный стаканъ.

Вдругъ,—словно мятежъ усмиряется шумный
И чинно дорогу даетъ,
Когда посѣдѣлый въ добрѣ и разумный
Бояринъ на вѣче идетъ—
Толпы разступились... и сталъ среди схода
Съ гусями въ рукахъ славянинъ.
Кто онъ? Онъ не князь и не княжескій
сынъ,
Не старецъ, совѣтникъ народа,
Не славный дружинъ воевода,
Не славный соратникъ дружинъ;
Но всѣ его знаютъ, онъ людямъ знакомъ
Красой вдохновеннаго гласа...
Онъ сталъ среди схода — молчанье кру-
гомъ,
И звучная пѣснь раздалася!

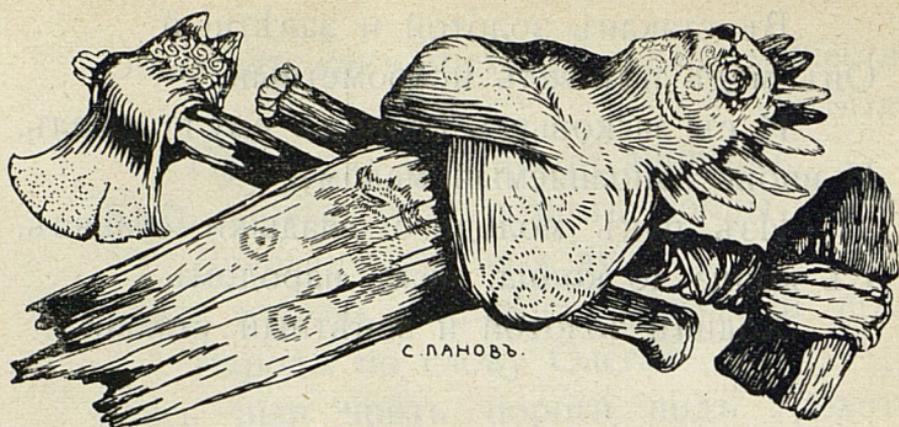
Онъ пѣлъ, какъ премудръ и какъ мужественъ
былъ

Правитель полночной доржавы;
Какъ первый онъ громомъ войны огласилъ
Древлянъ вѣковыя дубравы;
Какъ дружно собирались въ далекій походъ
Народы по слову Олега;
Какъ шли чрезъ пороги подъ грохотомъ
водъ

По высямъ днѣпровскаго берега;
Какъ по морю бурному вѣтеръ носилъ
Проворные русскіе челны;
Летѣла, шумѣла станица вѣтриль,
И прыгали челны чрезъ волны;
Какъ послѣ, водима любимымъ вождемъ,
Сражалась, гуляла дружина
По градамъ и селамъ, съ мечомъ и съ огнемъ
До града царя Константина;
Какъ тамъ побѣдитель къ воротамъ прибиль
Свой щитъ, знаменитый во брани,
И какъ онъ дружину свою одѣлилъ
Богатствами греческой дани.

Умолкъ онъ—и радостнымъ крикомъ похвалъ
Народъ отзывался несмѣтный,
И братски баяна самъ князь обнималъ;

Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливаль искрометный,
И съ ласковымъ словомъ ему подавалъ;
И вновь наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодого владыки славянъ,
Съ конца до конца, межъ народомъ
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Кудесникъ.

На мѣстѣ священномъ, гдѣ съ дѣдовскихъ
дней,

Счастливый дарами природы,
Народъ Ярославовъ, по волѣ своей,
Себѣ избираетъ и ставитъ князей,

Полкамъ назначаетъ походы
И жалуетъ миромъ сосѣдей-враговъ —
Толпятся: кудесникъ явился изъ Чуди...
Къ нему-то съ далекихъ и ближнихъ концовъ
Стеклись любопытные люди.

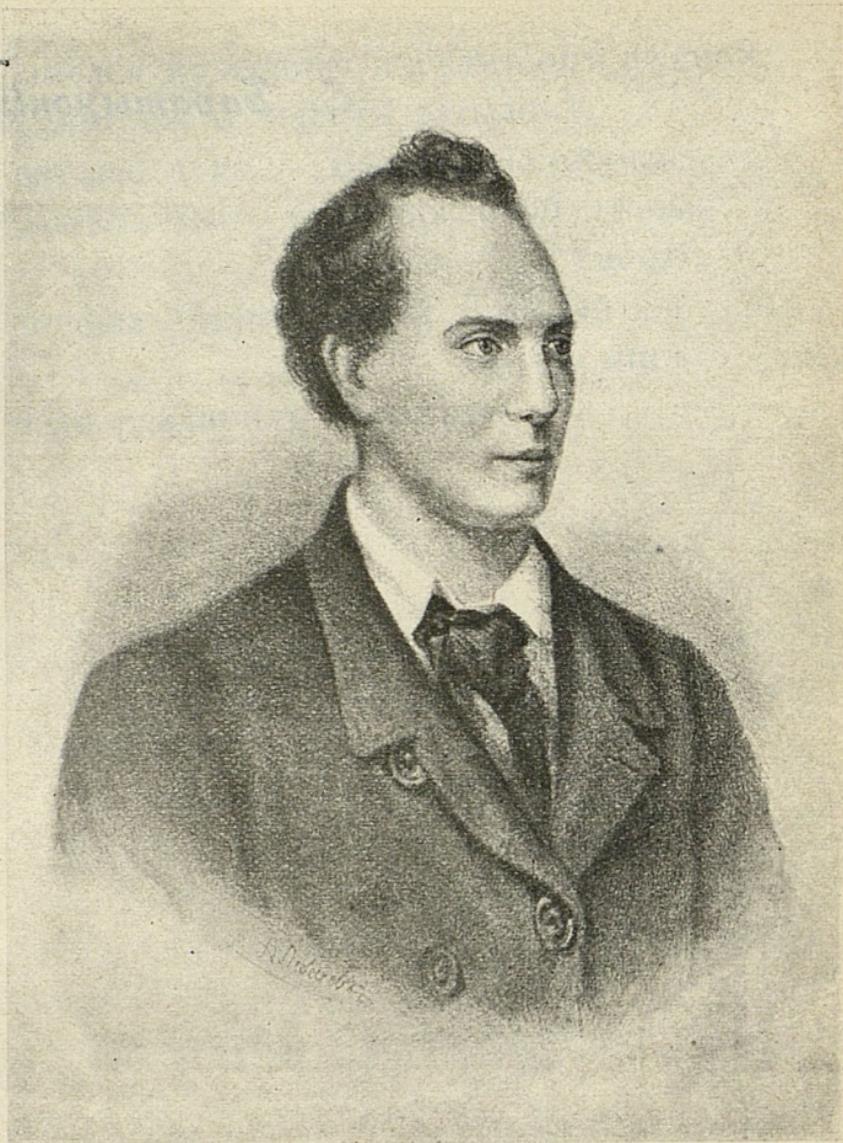
И старецъ кудесникъ, съ соблазномъ
въ устахъ,

Въ толпу изъ толпы переходить;
Народу о черныхъ крылатыхъ духахъ,
О многихъ и страшныхъ своихъ чудесахъ
Твердить и руками разводить;
Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и Пречистую Дѣву поносить;
Онъ сдѣлаеть чудо—и добрыхъ людей
На чудо пожаловать просить.

Онъ сладко, хитро празднословить и лжетъ,
Смущаетъ умы и морочить:
Ужъ онъ-то потѣшитъ великій народъ,
Ужъ онъ-то, кудесникъ, чрезъ Волховъ
пойдетъ
Водой—и ноги не замочить.
Вотъ вышелъ епископъ Θεодоръ съ крестомъ
Къ народу—народъ отъ него отступилъ;
Лишь князь со своимъ правовѣрнымъ
полкомъ
Къ святому кресту приложился.

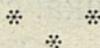
И вдругъ къ соблазнителю твердой стопой
Подходить онъ, грозень и пылокъ:
„Кудесникъ! скажи мнѣ, что будетъ съ
тобой?“

Е. Баратынскій

Горький

Родился въ 1800 году., скончался въ 1844 году.

Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!

Какъ ясенъ небосклонъ!

Своей лазурию живой

Слѣпитъ мнѣ очи онъ.

Весна, весна! какъ высоко

На крыльяхъ вѣтерка,

Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,

Летаютъ облака!

Шумятъ ручьи! блестятъ ручьи!

Взревѣвъ, рѣка несетъ

На торжествующемъ хребтѣ

Поднятый ею ледъ!

Еще древа обнажены,

Но въ рощѣ ветхой листь,

Какъ прежде, подъ моей ногой

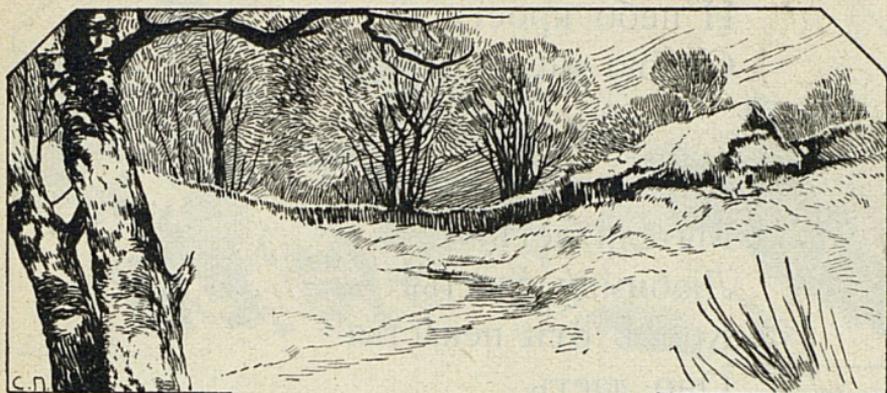
И шумень, и душистъ.

Подъ солнце самое взвился
И въ яркой вышинѣ
Незримый жавронокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.

Что съ нею, что съ моей душой?
Съ ручьемъ она ручей,
И съ птичкой птичка! съ нимъ журчитъ,
Летаетъ въ небѣ съ ней!

Зачѣмъ такъ радуеть ее
И солнце, и весна?
Ликуеть ли, какъ дочь стихій,
На пирѣ ихъ она?

Что нужды! счастливъ, кто на немъ
Забвенье мысли пьетъ,
Кого далеко отъ нея
Онъ, дивный, унесеть!

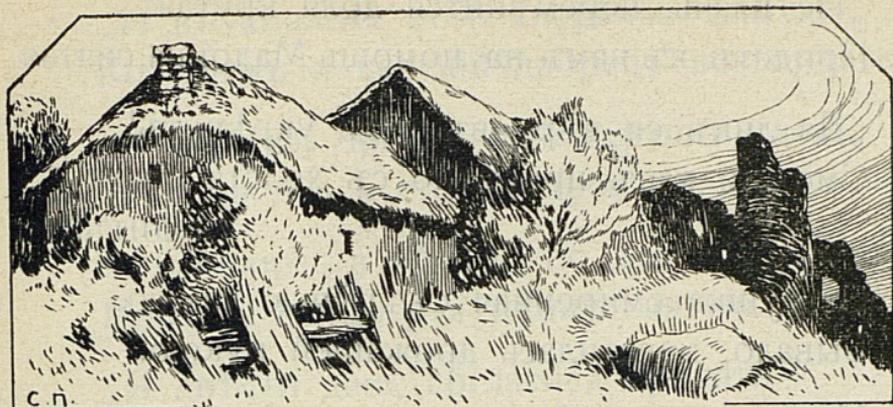

* *
*

Гдѣ сладкій шопоть
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропоть,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и доли.
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣть;
Все цѣпенѣть.
Лишь вѣтеръ злой,
Бушуя, воетъ

И небо кроетъ
Съдою мглой.

Зачѣмъ, тоскуя,
Въ окно слѣжу я
Мятели летъ?
Любимцу счастья
Кровь отъ ненастья
Оно даетъ.
Огонь трескучій
Въ моей печи;
Его лучи
И пыль летучій
Мнѣ веселятъ
Безпечный взглядъ.
Въ тиши мечтаю
Передъ живой
Его игрой
И забываю
Я бури вой.

Мадонна.

Въ Итали гдѣ-то, но въ полѣ пустомъ
(Не зрѣлось жилья на полмили кругомъ),

Межъ древнихъ развалинъ стояла лачужка;
Съ молоденькой дочкой жила въ ней
старушка.

Съ разсвѣта до ночи за тяжкимъ трудомъ,
А все-таки голодъ имъ часто знакомъ.

И дочка порою душой унывала,
Терпѣньемъ скудѣя, на Бога роптала.

„Не плачь, не кручинься ты, солнце мое!—
Тогда утѣшала старушка ее:—

„И въ хижинѣ этой творенье таится,
Которымъ и царскій дворець возгордится!

„Старушка, продай мнѣ картину свою,
Тебѣ за нее я сто піастровъ даю“.

— Синьоръ, я бѣдна, но душой не торгую;
Продать не могу я икону святую.—

„Я двѣсти даю, согласися продать“.

— Синьоръ, синьоръ! бѣдность грѣшно
искушать.—

Упрямства не могъ побѣдить онъ
въ старушкѣ,
Осталась картина въ убогой лачужкѣ.

Но вскорѣ потомъ по Италиі всей
Летучая вѣсть разнеслася о ней.

Къ старушкѣ моей гость за гостемъ стучится,
И, дверь отворяя, старушка дивится.

За входъ она малую плату беретъ
И съ дочкой своею безбѣдно живетъ.

Такъ, вѣру и геній въ едино сливая,
Равно оправдала ихъ Дѣва святая.

Оглавленіе.

Стихотворенія И. Козлова.

	СТР.
Кіевъ	5
Плачь Ярославны	8
Сонъ ратника	11
Беверлей	14
Возвращеніе крестоносца	17
Нась семеро	24
Сельская сиротка	27
Вечерній звонъ	30

Стихотворенія Н. Языкова.

Двѣ картины	33
Пловець	36
Буря	38
Маякъ	40
Вечерь	42
Баянъ къ русскому воину	43
Олегъ	46
Кудесникъ	52

Стихотворенія Е. Баратынскаго.

Весна, весна!	57
Гдѣ сладкій шопоть	59
Мадонна	61

Цѣна 20 коп.

Издательство О. Н. Поповой,
С.-Петербургъ, Невскій, 54.

Каталогъ изданій фирмы высылается по требованію бесплатно.

2007082219